

К проблеме освоения фольклорных нарративов литературной традицией: сказ Виктора Пулькина «Змей — серебряная спинка»

Александр Михайлович Петров

(Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН:
Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11)

Аннотация. Статья посвящена обсуждению проблемы фольклорно-литературных связей на примере сказа Виктора Пулькина «Змей — серебряная спинка». Цель работы — выявление фольклорных источников прозы В. Пулькина, установление причин, путей и способов трансформации фольклорных мотивов и сюжетов в литературной традиции. Творчество писателя никогда не подвергалось тщательному изучению; анализ сказа представлен впервые в литературоведении и фольклористике. Особенностью художественного метода В. Пулькина является вариативность его прозы, бытование произведений в разных равноправных редакциях. Поэтому для исследования привлечены редакции сказа разных лет, составившие основу для финального текста. Реконструирована и описана литературная история произведения. Установлено, что источниками сказа «Змей — серебряная спинка» стали многочисленные жанры фольклора, тексты которых были записаны Пулькиным в экспедициях с фольклористом Н. А. Криничной: былички и бывальщины, предания, легенды, сказки, пословицы, слухи, произведения народной агиографии. Стереотипы народной культуры используются свободно, писатель осуществляет смелые контаминации сюжетов, переосмысливает фольклорные образы; однако основные принципы фольклорного отражения действительности строго соблюдены, автор опирается на хорошее знание традиции, не допускает вольной трактовки образов и мотивов. В. Пулькиным привлекаются исторические и литературные источники, сведения из этнографии, мотивы патристики. В финальной версии сказа усилены христианские мотивы, что связано с мировоззрением писателя. Христианская тональность стала важнейшим фактором преодоления фольклорной традиции — фольклорные образы, мотивы и сюжеты предстают в свете христианских нравственных категорий: сострадание, милосердие, духовная красота. В понимании писателя прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим; локальная история вплетена в историю российскую и мировую.

Ключевые слова: Виктор Пулькин, фольклорно-литературные связи, региональная литература, фольклор, христианские мотивы, Петр I.

Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания.

Дата поступления статьи: 21 июня 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: Петров А. М. К проблеме освоения фольклорных нарративов литературной традицией: сказ Виктора Пулькина «Змей — серебряная спинка» // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 47–59.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.004>

Виктор Иванович Пулькин (1941, с. Спасская Губа, Кондопожский р-н, КФССР — 2008, г. Петрозаводск, Республика Карелия) — севернорусский писатель, чье литературное творчество определяется как «сказ», «сказовая повесть», «литературный пересказ», «этнографические очерки» и т. п. [Писатели 2006, 57]. В.И. Пулькина часто сопоставляют с Б.В. Шергиным и С.Г. Писаховым [Рогощенков 2000, 249].

Любовь к народной культуре Русского Севера предопределила и жизненный путь, и род занятий В.И. Пулькина: он не только профессиональный писатель, но и собиратель фольклора, историк, этнограф, журналист, художник и — в свое время, в 1960–1970-е гг., — известный экскурсовод на острове Кижь: «о его экскурсиях ходили легенды» [Шилова 2020, 58]. Фольклорные материалы для литературного творчества он находил не только в опубликованных источниках, но и в экспедициях, предпринятых совместно с женой, известным фольклористом Н.А. Криничной (1938–2019).

К числу произведений, созданных по мотивам фольклорных быличек и преданий, относится сказ «Змей — серебряная спинка», входящий в сборник фольклорно-литературных циклов (автор назвал их «горстями»; всего таких «горстей» в сборнике пять) «Царские персты» [Пулькин 2002]. Сборник, подготовленный к 300-летию основания г. Петрозаводска (1703), посвящен Петру I; исторический образ Петра предстает в фольклорно-литературном преломлении. «Горсти» объединены тематически, сказ «Змей — серебряная спинка» входит в «горсть четвертую» — «Преудивленно чудо» [Там же, 127–132]. Ранее это произведение никем специально не рассматривалось, предлагаемая статья — первая попытка осмыслить на этом материале принципы литературного освоения и преодоления писателем фольклорной традиции. Работа выполнена на стыке фольклористики и литературоведения; находится в русле исследований фольклорно-литературных связей в творчестве конкретного писателя; приглашает к обсуждению проблемы функционирования региональной литературы в общерусском культурном контексте.

Сказ состоит из четырех мини-частей: 1. Мижостровский водяник; 2. Был Костя

Клинов; 3. Кот и гад; 4. Уговор — дорожке жемчуга.

Сюжетная основа сказа такова. Однажды (в Петров день) Петр I, путешествующий на лодке, встречает водяного и перевозит его через пролив, принимая за человека. Позже из разговора рыбаков выясняется, что именно на этом месте (Мижостров, у Белого камня) поселился водяной, он пугает жителей, увел всю рыбу — ряпушку. В Ильин день Петр отыскивает водяного, хватая его за бороду, стегает вицей, упрекая в неблагодарности: он перевез водяного на новое место, а тот продолжает пугать людей и разорять водоемы, оставляя рыбаков без улова. Наказанный водяной «проваливается» в озеро, и с тех пор на Мижострове его уже никогда не видели. История сохраняется в народной памяти, возникает фольклорная версия о том, что могло случиться с водяным. Эта версия излагается во второй части. Исчезнувший водяной мог «перекинуться» змеем (т. е. превратиться в змея). Судьба змея благополучна: однажды он попадает в шторм и начинает тонуть, выбившись из сил. Подплывает к одному кораблю, но его прогоняют; подплывает к другому, и кормщик Костя Клинов (родом с о. Кижь) спасает змея. Судно причаливает к берегу, змей сползает «на матёрую землю» и скрывается в траве. Повествование переходит к третьей части. Костю Клинова, спасшего змея, вызывает Петр I, как раз проездом находящийся во дворце неподалеку. Костя предстает перед царем, видит рядом с Осударем молодого генерала с серебряным узором на вороте шинели. Узор показался герою знакомым, а Петр раскрывает тайну: генерал плыл змеем по Онежскому озеру, и именно его спас Костя Клинов. Обращаться в животное может и сам царь: Петр мог оборотиться котом (отсюда название новеллы — «Кот и гад»). За спасение генерала Костя получает награду — кошель серебра. Деньги «крестьянское общество» решает потратить на строительство Спасо-Преображенского собора на о. Кижь. Для строительства храма на остров приезжает мастер Нестер. Обдумывая план предстоящих работ, Нестер видит у берега того самого генерала, стоящего по щиколотку в воде. Генерал вытаскивает из воды топор и отдает его Нестеру со словами: «Им поставишь великий собор — будут

удивлены многие народы» [Там же, 132]. Чудесный топор вручается Нестеру с одним условием: немедленно после строительства храма его необходимо вернуть, метнув обратно в воду, чтобы генерал мог передать топор уже другим поколениям зодчих. Нестер дает слово и исполняет обещание: *уговор дороже жемчуга*.

Первая часть («Мижостровский водяник») создана В.И. Пулькиным на основе фольклорного текста, зафиксированного самим писателем в 1971 г. в д. Ламбасручей (Медвежьегорский р-н КАССР). Текст опубликован в сборнике [Северные предания 1978, 133] под № 188 («Петр Первый и водяник»); он входит в тематическую группу преданий об исторических лицах. Как справедливо замечает составитель и комментатор сборника Н.А. Криничная, в данном случае «предание об историческом лице (Петре I) переплетается с быличкой о водяном» [Там же, 191]. Предание-быличка отличается предельной краткостью, выявляются основные сюжетобразующие мотивы: путешествие Петра, его встреча с незнакомцем («выстал человек из воды»), переправа через водоем, жалоба жителей на водяного, который «рыбу распугал, рычит на всё озеро», наказание водяного Петром, исчезновение водяного с Мижострова. Думается, этот мифологический текст можно отнести и к бывальщинам, поскольку он все же ближе по структуре к фабулам, чем к меморатам. Перед исчезновением водяной произносит фразу: «Год от году хуже, год от году хуже!.. <...> А этот год хуже всех!». По-видимому, здесь мы имеем дело с ироническим переосмыслением мифологического рассказа, поскольку указанная формула («Год от году хуже») обычно фиксируется в быличках на сюжет о пророчестве и предвещает неминуемую беду (обычно смерть) [Власова 2004, 223]. В предании же водяной относит эти слова к самому себе и сам же тонет в воде. Возможно, ироническая интонация этого «перевертыша» и привлекла В.И. Пулькина, создавшего на основе этого текста собственный сказ.

Нам известен только этот вариант представленного фольклорного текста, но имеются свидетельства того, что аналогичный мифологический рассказ бытовал и среди карелов; он неоднократно фиксировался на карельском языке, ср.

(цитируется перевод): «В старину он на камень поднимался и волосы расчёсывал. Степан тогда невод тянул, у него длинная вица была в руке. Он как взял, вдоль спины как хлестнёт его. Тот в воду и прыгнул. Всё кланяется, волосы расчёсывает, говорит: “Год от году хуже! Год от году хуже!” Степан как вицей хлестнёт: “Этот год самый плохой!” А сам поплыл на лодке» [Иванова 2012, 518]. Процитированная карельская быличка была записана еще в 1963 г. в п. Эссойла В.Д. Ряговым, т.е. на восемь лет ранее записи В.И. Пулькина. По всей видимости, образ Петра I прикрепился к быличке позднее, карельский же текст — это более архаичный вариант сюжета. Однако этот вопрос требует отдельного изучения.

Также в мифологии Русского Севера известны сюжеты о противостоянии водяного и человека [Криничная 2014, 57–59]. В христианизированных версиях, чтобы изгнать водяного, «...поднимают иконы, молятся Николаю Угоднику, закупают водосвятный молебен, окропляют озеро святой водой либо опускают туда крест» [Там же, 57]. Таким образом, предание, записанное В.И. Пулькиным, находится в одном тематико-типологическом ряду с подобными мифологическими рассказами.

В литературном произведении усложнена композиция: автором используется прием обрамления, все четыре части сказа «Змей — серебряная спинка» объединены в связное повествование фигурами мореходов, беседующих в избе, — Никифора и Еремея. Сказ напоминает классический тургеневский «Бежин луг». Однако «Змей — серебряная спинка» — это не набор «страшных историй о сверхъестественном». Это смеховая интерпретация мифологических коллизий; сами же мифологические (водяной-змей) и мифологизированные (Петр I) персонажи предстают как устроители, преобразователи Русской земли. Мифическая сила здесь — это не столько *враждебная сила* (водяного пугаются, но после наказания Петром несколько несуразное чудо водяное «забилось под кору — не сказалось, под котору» [Пулькин 2002, 127]), сколько *чудесный помощник* человека в его просветительской работе: генерал-оборотень помогает Нестеру построить храм — христианскую святыню. Так парадоксальным

образом В.И. Пулькин наделяет мифологического персонажа свойствами православного святого, который, согласно народным агиографическим текстам, может оказывать помощь, способствовать возникновению сакральных объектов [Мороз 2009, 111]; предание-быличка приобретает признаки легендарного повествования.

Усиление в литературном сказе христианских мотивов проявляется и в цитировании героями-собеседниками сочинений святоотеческой литературы, в частности «Бесед» Иоанна Златоуста. Разговор корабельного мастера Еремея и кормщика Никифора предстает как диалог двух книжников-грамотеев, толкователей произведений патристики и Священного Писания. Так, жена Никифора говорит: «Не путем, мужики, нечистика воспоминаете в избе!» На что Еремей отвечает: «По слову отца нашего Иоанна Златоуста, “Бог не препятствует диаволу посещать нас искушениями”», а Никифор добавляет: «Диавол не стал бы в различных образах приступить к тебе, если бы не видел тебя в чести перед Господом!» [Пулькин 2002, 128]. Это несколько видоизмененные фрагменты «Беседы XIII» из «Толкования на Евангелие от Матфея» [Златоуст 2010, 88]. Характерно языковое выражение возвышенного христианского ореола текста: «И Еремей возопил, что слыхивал, как водяник мог перекинуться змеем и молодым генералом служить у Великого Петра с честью» [Пулькин 2002, 128]. Глагол высокого стиля «возопил» привносит в рассказ элементы библейской риторики.

Христианский контекст, осмысленный в русле категорий народной культуры, создается также при помощи временных локализаторов: Петр встречает водяного в Петров день (разгар лета: «тепло, светло»), наказывает его в Ильин день (поворот к осени: «вечер прохладный») [Там же, 127]. В фольклорном предании нет указаний на время действия. Однако темпоральные координаты активизации водяного имеются в других текстах народной мифологии. Именно Петров день — один из тех дней, когда может произойти встреча с водяным: «...этот день, посвященный апостолам Петру и Павлу, считается в народе праздником рыбаков, поскольку апостол Петр известен как покровитель рыбных промыслов и даже

получил прозвище “рыболов”. Иначе говоря, его можно считать христианской трансформацией духа — “хозяина” воды, который ранее безраздельно ведал рыбами “угодьями”» [Криничная 2004, 339]. Также, вероятно, для писателя была важна смысловая связь имен: *Петр* Великий и апостол *Петр*.

Упоминание Ильина дня также обусловлено народной традицией, от христианской образности здесь только имя пророка: Ильинская неделя «характеризуется как период активности водяного». Кроме того, писателю, вероятно, было необходимо обозначить *переходное* время (от лета к осени): наибольшую активность водяной проявляет в *пограничные* хронологические точки [Криничная 2004, 339, 340].

Имеется в литературном тексте еще одна интересная деталь — Петр I *курит трубку*: «И Петр помалкивает. Только похмыкивает и трубочку покуривает, держа парусный шкотик» [Пулькин 2002, 127]. Думается, что источником этого штриха к портрету Петра стали исторические сведения, которыми наверняка располагал В.И. Пулькин: именно при Петре I «указом 1697 года продажа табака была объявлена казенной статьей доходов, а его употребление дозволено гражданам всех сословий» [Богданов 2001, 324].

В фольклорном тексте-источнике отсутствует описание водяного; литературный текст компенсирует этот пробел. В сказе водяной назван «чудом водяным», он «с лица темен», «зелена борода», «босой, пальцы сини», появляется «в синей сутемени», «весь в склизкой зеленой тине», обитает «у Белого камня» [Пулькин 2002, 127]. Любопытно, что краски для воссоздания портрета водяного писатель, очевидно, почерпнул из самой фольклорной традиции. Согласно быличкам, водяной имеет антропоморфный облик (с элементами зооморфного кода), может быть маркирован черным, синим или белым цветом; волосы и борода у него часто зеленые; не носит никакой одежды [Криничная 2004, 328, 331–333], ср. также с описаниями водяного, систематизированными в книге Э.В. Померанцевой [Померанцева 1975, 49–51]. При этом в литературной трактовке усилена категория неопределенности: если в предании-быличке говорится: «Выстал человек из воды» [Северные предания

1978, 133], то в сказе: «Выстал из воды, на приплеске у луды¹, человек не человек» (курсив наш. — А.П.) [Пулькин 2002, 127]. Это придает сказу мистический колорит и предопределяет дальнейшее развёртывание действия, с *перевоплощением* водяного в змея — серебряную спинку. Также для сказа характерно неразличение мифологических персонажей — водяной может быть назван *лешим*: «Больше не видели там, на Мижострове, никакого лешего, грязного водяника!» [Там же]. В фольклорном источнике: «Больше не видали на Мижострове никакого водяника» [Северные предания 1978, 133]. Едва ли можно предположить ошибку писателя — для этого В.И. Пулькин был слишком хорошим знатоком народной культуры. Вероятнее всего, смещение терминологических номинаций духа — хозяина природной стихии позволяет писателю умножить количество ипостасей водяника и тем самым обозначить еще большую неопределенность его природы.

В литературном тексте появляется и описание внешности Петра — предельно лаконичное; указываются лишь классические, хрестоматийные портретные детали: «черны волосы», «усишки» [Пулькин 2002, 127].

Особенностью художественного метода В.И. Пулькина является то, что он создавал разные версии своих произведений, привнося что-то новое в стилистику, меняя смысловые акценты, вводя новые образы, разрабатывая новые мотивы. В частности, предание-быличка о Петре и водяном ранее (1988) была опубликована им (в соавторстве с Н.А. Криничной) в виде отдельного произведения «Про водяника» в сборнике сказов о Петре Первом «Медный вершник» [Криничная, Пулькин 1988, 80–82]. Разница во времени между первой и второй публикациями — 14 лет. В ранней версии сказа полностью отсутствуют христианские мотивы и пространные цитаты из религиозной литературы; нет упоминания о Петровом и Ильином днях. Если в поздней версии центральным персонажем является, скорее, водяной (его трансформированный образ протянется далее через весь сказ «Змей — серебряная спинка»), то в ранней версии всё внимание сосредоточено

на фигуре Петра. Основная тема здесь — не сверхъестественные перевоплощения, а крутой нрав Петра I, его фантастическая сила. Сказ состоит из двух частей, это художественно освоенная контаминация двух фольклорных сюжетов: «Петр Первый и водяник», «Усмирение Ладоги». Первая часть во многом напоминает позднюю версию сказа, отличаясь большей лаконичностью, говорной интонацией и, пожалуй, большей насыщенностью диалектной лексикой (сказ ориентирован на воспроизведение стихии народной речи). Во второй части повествуется о том, как Петр I в гневе высек непокорную, бушующую Ладогу, «и волны враз стихели» [Там же, 82]. Непосредственным источником этого сюжетного ответвления послужило предание, опубликованное в сборнике [Северные предания 1978, 144] (текст № 207). В данном случае перед нами — бродячий сюжет об усмирении царем (императором) водной стихии. Впервые, если мы не ошибаемся, этот сюжет встречается в античной истории и описывает, как царь Ксеркс высек море (пролив Геллеспонт) 300 ударами бича [Геродот 1972, 325]. В этом же историко-типологическом ряду находится сюжет об Иване Грозном, который приказывает палачу высечь кнутом Волгу [Криничная 1987, 203]. Также имеются фольклорные сюжеты о том, как Петр Первый усмирил Каспийское море, Плещеево озеро [Там же, 203]. Предпосылкой для объединения двух фольклорных сюжетов в один литературный сказ послужила тематическая общность преданий: в сюжете *о Ладоге* царь Петр наказывает (побеждает) *озеро*, в сюжете *о водянике* — подчиняет себе *персонифицированную водную стихию*.

Таким образом, в разных редакциях сюжета «Петр Первый и водяник» В.И. Пулькин осуществляет своего рода коллаж из фольклорных преданий; выбор материала для такого коллажа подчинен конкретным художественно-эстетическим задачам.

Вторая, третья и четвертая части сказа «Змей — серебряная спинка», по сути, представляют собой один связный текст, разделенный на три сегмента. Фольклорным источником здесь стала распространенная бывальщина о перевоплощении

¹ *Луда* — мель, каменистая отмель.

ведуна в змею (змея): «Один мужик перевозит в лодке подобранный в открытом озере змея; спустя какое-то время незнакомец неизвестно за что угощает его в трактире; выяснилось, что незнакомец и был тем змеем, которого перевоз заонежанин» [Криничная 2004, 655]. Это основа литературного сказа, все остальное В. И. Пулькин «смонтировал» из разножанрового фольклорного и литературного материала, исторических источников, собственных авторских художественных образов.

Действие отнесено в условное далекое прошлое («На веку происходило»), хотя имеются маркеры достоверности событий: «При Осударе Великом Петре приключилось». Установка на достоверность передается и при помощи такого указания: «Ихний кормщик — Костя Клинов. Они в Кижях и теперь живут — Клиновы». Используется и реальная топография современного Петрозаводска: упоминается берег «предбудущего Петрозаводска», расположенный «там, где теперь парк с каруселями» [Пулькин 2002, 128–129]. Здесь речь идет о парке аттракционов у набережной Онежского озера. Такие локальные и временные отсылки связывают прошлое и настоящее, формируют своего рода «локальную историю» города, местности. Современность предстает в свете истории, а история — в свете современности. В то же время «последовательное стирание границы между прошлым и настоящим открывает возможность для проникновения фантастического в область обыденного» [Шилова 2016, 253].

События разворачиваются на фоне шторма, бушующего на Онежском озере: «Воду и землю рвет. Пену с волны счесывает. Леса клонятся, валы по озеру — стадами». Здесь в повествование впервые вводится образ змеи, гибнущей в волнах: «Видят мореходы — вьется-плывет за бортом змея. Из сил выбивается. Глядит, как человек в несчастном положении» [Пулькин 2002, 128]. Потенциальная антропоморфная природа змеи, ее способность к перевоплощению закодирована в сравнении с человеком.

Напомним, что образ змея (змеи) восходит к глубоким мифологическим истокам. Он наделен множеством разнообразных коннотаций в славянском фольклоре и — шире — в мифологии и фольклоре

практически всех народов мира [Иванов 1991]. «Змей» и «змея» могут быть дифференцированы [Левкиевская 2002; Гура 2002а], а могут рассматриваться и как две ипостаси одного образа [Иванов 1991]. В трактовке В. И. Пулькина змей — это то же самое, что и змея. Змей, плывущий в водах Онежского озера, напоминает о водном (морском) змее, однако при внимательном рассмотрении выясняется, что В. И. Пулькин прибегает к «оптической иллюзии»: здесь змей (хоть и бывший водяник) вовсе не повелитель водной стихии; шторм так же опасен для него, как и для людей.

Неявные намеки на антропоморфную ипостась змея содержатся и в следующем описании: «Протянули кижане весло, змей по нему ходко *взобрался* на соемку. На мешки *лег*. *Заснул с великой усталости, голловушку свесил*». Далее антропоморфизация змея усиливается, Костя разговаривает с ним как с человеком: «Батюшко! (Это змею-то! Затейный!) Хлебушко сгружать станем. Содвинься, баженой!» (курсив наш. — А. П.) [Пулькин 2002, 129]. Таким образом, спасение змея приравнивается к спасению человека.

И все же он не человек. Иномирная природа змея высвечивается в таком его атрибуте, как *серебряная окраска*: «Только серебряный узор сошеркнул» [Там же]. Здесь змей включается в типологический ряд широко известных фольклорных персонажей, маркированных серебряным цветом. Достаточно вспомнить чудесного героя духовных стихов Егория Храброго, у которого «по колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре». Золото и серебро выступают в качестве смысловых эквивалентов и указывают на связь персонажа с потусторонним миром [Петров 2011]. Сама формула «Змей — серебряная спинка», по всей видимости, построена по сказочной модели «Свинка — золотая щетинка», «Котик — золотой хвостик» и т. д.

Писатель включает в сказ элементы христианского дискурса: спасший змея Костя Клинов описывается как «человек знаткий, богомольный», змей назван «Господним творением» [Пулькин 2002, 129]. Нравственным стержнем сюжета становится христианское *милосердие*.

В третьей части сказа — «Кот и гад» — в полной мере раскрывается мотив оборотничества. Описание встречи Кости

с Петром Великим выполнено в стилистике, напоминающей сказочную: «Великий Петр расстарался. У себя во дворце деревянном кижанина накормил-напоил» [Там же]. Формула «накормил-напоил» — дословное воспроизведение сказочной. Совместная трапеза знаменует приобщение гостя к миру, где пребывают Петр и его помощник — молодой генерал (змея). Это один из ключевых элементов топики русской волшебной сказки [Пропп 1986, 66–69]. Далее происходит следующее: «Костя винца выпил, оглянулся победно и пристально: “Что это у тебя в уголку молодой генерал сидит, как некрещеный: не ест, не пьет, песен не поет. Пишет, подъявши колено, скорописчату грамотку. А у него, Осударь, на вороте шинели узор будто знакомый, шит серебром» [Пулькин 2002, 129]. Здесь В. И. Пулькин использует фольклорный стереотип, распространенный в рассказах об оборотнях: «...у вернувшегося к изначальному, человеческому облику оборотня сохраняются некие зооморфные признаки» [Криничная 2004, 667]. В данном случае таким рудиментарным признаком, напоминающим о былой природе персонажа, становится серебряный узор на шинели.

Важно отметить, что перед началом диалога Костя «выпил винца», что является отсылкой к мифологическим представлениям, реконструированным и подробно описанным Н. А. Криничной, а потому хорошо известным В. И. Пулькину. В мифологических рассказах «опьянение отождествляется с пребыванием под воздействием одурманивающего либо наркотического напитка, который некогда использовался в ритуалах, призванных обеспечить транс и контакт человека с инобытием» [Криничная 2011, 68]. Весьма характерно и описание генерала-оборотня: «не ест, не пьет, песен не поет», «как некрещеный». У Кости Клинова находится бытовое, реалистическое объяснение загадочности генерала: «Усердный. Быват — из немцев?» [Пулькин 2002, 129]. Здесь В. И. Пулькин иронически противопоставляет работоспособного генерала-немца русским заонежским мужикам, прозрачно намекая на извечный этнический стереотип о «русской лени». Сквозь эту трактовку просвечивает ее фольклорная подоплека: воздержание от еды и питья, молчание, не говоря уже

о «некрещености», указывают на то, что генерал не из мира людей, он «чужой» среди обитателей Петрова дворца. На это же указывает и *безымянность* героя. Этноним «немец» еще больше подчеркивает «иную» природу персонажа. Здесь «немец» — это и вполне понятная отсылка к европейской политике Петра I, присутствие немца в царском дворце не вызывает удивления. Но это и художественный эпитет, наделенный целым сгустком побочных историко-культурных ассоциаций. Прежде всего, и в Петровскую эпоху, и позднее «этноним “немец” воспринимался русским политическим и обыденным сознанием не как экзоэтноним, а, скорее, в значении “немой” (= иной) и “не мой” (= чужой)» [Белобородова 2000, 102]. Отсюда — и усердие генерала-немца в работе, и его молчание, символическая «немота».

Но и облик Петра Великого на поверку оказывается не столь простым. В сказе задействуются народные представления о Петре I как оборотне, имевшие широкое хождение на Руси. «Петр, даром, что велик, славен, всякую минуту мог котикшкой перекинуться. Да и на дерево!» [Пулькин 2002, 130]. По всей видимости, не случайными оказываются штрихи к портрету Петра из новеллы «Мижостровский водяник»: черные волосы и «усишки». В новелле «Кот и гад» усы Петра I снова появляются в кадре: «Узнал гостя, мореход?» — Петр ус встопоршил» [Там же, 129]. Облику Петра писатель придает «кошачьи» черты, царь ассоциируется с *черным котом* — традиционным персонажем фольклора, литературы, кинематографа, объектом многочисленных суеверий и примет [Топоров 1992; Гура 20026]. Дружба Петра с генералом-змеем объясняется дружбой котов и змей. В. И. Пулькин ссылается на народное поверье: «В Заонежье скажут: кошка после рождения котят к змеям ходит, к ихнему царю — глаз ребятам просить» [Пулькин 2002, 130]. Петр-оборотень включается в круг мифологических персонажей: В. И. Пулькин напоминает о существовании в фольклоре представлений о перевоплощении кота в домового. При этом количество инкарнаций домового ограничено двумя: «Домовой может котом перекинуться, а может — змеем, больше никем» [Там же]. На самом деле в народной традиции

домовой может предстать в самом разном облике, в том числе быть невидимым [Криничная 2004, 130]. Однако для писателя важна именно *бинарность*: она заложена в названии мини-новеллы — «Кот и гад» — и обусловлена требованиями сюжета и образной системы: действующих лиц, наделенных способностью к оборотничеству, в рассказе лишь двое. Согласно быличкам, кошка-домовой обычно имеет черный цвет и иногда достигает сверхъестественной величины [Там же, 127–128]. Величина кошки напоминает о роде царя — так в художественном тексте связываются воедино исторические свидетельства и мифологические мотивы.

Суеверные народные представления о Петре I как о коте отражены во многих произведениях литературы и изобразительного искусства, откуда их, очевидно, и почерпнул В.И. Пулькин. Интересные параллели могут быть проведены с романом Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)», в котором Петр «наделяется атрибутикой нечистой силы». Так, «в финале романа номинации “кот”, употребляемые по отношению к Петру, концентрируются в образ кота-оборотня, пытающегося задушить Алексея» [Плешкова 2010, 67].

Можно вспомнить и средневековый лубочный сюжет «Погребение кота мышами», известный в русской культуре с XVII в. и бытовавший во множестве вариантов [Алексеева 1983, 45]. Образ кота здесь традиционно связывается именно с фигурой Петра I [Снегирев 1861, 122–132], хотя это толкование разделяется не всеми [Алексеева 1983, 79]. «Пародийная перелицовка» этой лубочной картинки отмечена в том же романе Д.С. Мережковского, где она «актуализирует эсхатологическое, мистическое содержание образа Петра» [Плешкова 2010, 68].

В сказе В.И. Пулькина эти отрицательные коннотации не прослеживаются. Способность героя к перевоплощению подается писателем как естественное свойство фольклорной фантастики, и писатель не видит здесь ничего необычного. Сам же Петр выступает в роли дарителя, вознаграждая Костю за спасение змея-генерала *кошелем серебра* [Пулькин 2002, 130]. Повествование чем-то напоминает сказки, в которых действуют благодарные животные-помощники [Пропп 1986,

154], например, сюжет СУС 554. Мотив царской награды широко распространен и в преданиях [Северные предания 1978, 225].

Теперь Костю ждет основное испытание — решить, как правильно распорядиться наградой. Единственным правильным выбором становится *строительство храма*. Подобный мотив не чужд и преданиям: «Тут царь деньги на церковь оставил, и церковь построили после» [Там же, 156]. Это и есть духовный «нерв» сказа, то, ради чего он был создан. Здесь писатель воплотил самые сокровенные мысли, выразил самые глубокие душевные переживания. В трудные 1990–2000-е гг. «для В. Пулькина наступило время непростых мировоззренческих размышлений. Он находит опору в нетленной силе живого и цельного христианского мироощущения и по примеру Б. Шергина видит бессмертие России в движении общества по пути восстановления христианской нравственности, семьи, культуры — всего того, что создало и возвеличило Россию» [Дюжнев 2005, 209–210]. Строительство храма (в сказе это Преображенская церковь Кижского погоста) в глазах В.И. Пулькина знаменует возвращение к подлинной *красоте*: «Война шла. Мужики в солдатах, матросах. А сколько уже и побило. Иные на заводах — пушки льют, на верфях корабли строят. Всюду мы, заонежане. До храма ли? А без красоты нельзя. Красотой человек с Богом разговаривает внятным Творцу языком» [Пулькин 2002, 130].

Заключительная часть сказа посвящена описанию строительства храма. В основу здесь положено известное северное предание о мастере Нестере, который, завершив работу, «со священным топором поднялся до последней главки, привязал до креста алюю ленту, а топор закинул в озеро и поклонялся, что такого чудесного храма нет нигде и не будет больше никогда» [Криничная 1991, 46]. План строительства Преображенской церкви иногда приписывается и самому Петру I [Северные предания 1978, 129]. В произведении В.И. Пулькина эта традиция переосмыслена и трансформирована в новый сюжет.

Согласно сказу, мастер Нестер встречается на о. Кижы «давешнего молодого генерала», стоящего «на берегу, под деревьями-ильмами» (т.е. вязами), «по щиколотку в воде, на приплеске, как и эти

чудные деревья» [Пулькин 2002, 130]. Здесь генерал-змей-водяник вновь оказывается в своей родной стихии: в воде, но в безопасной близости к земле. Встреча мастера с генералом воспроизведена В. И. Пулькиным по известной писателю мифологической нарративной модели: «...чаще всего человек видит мифическое существо, находясь на берегу, осмысляемом как медиативное пространство между водой и землей, между “тем” и “этим” мирами» [Криничная 2014, 64].

Локативные маркеры художественного пространства неслучайны: «...при выборе места строительства христианского храма зачастую главную роль играло наличие священной рощи или священного дерева, являвшихся объектами хтонического по происхождению культа» [Криничная 1987, 49]. Вероятно, именно поэтому деревья-ильмы в рассказе названы «чудными». Силы воды, персонифицированные в образе водяного, также необходимы для постройки храма: «Этнограф Н. Н. Харузин отмечает, что, по народному поверью, водяные живут в проливах, отделяющих остров от материка. Он также устанавливает, что церкви сооружаются как раз у проливов, т. е. близ предполагаемого места жительства водяного» [Там же, 51–52].

Рационалистическую трактовку получает в литературном сказе *время действия*: «Только вышел рано, чтоб никто, знаешь, не мешал, разметать мерным шнуром, где собору стать и какие прирубы соградить» [Пулькин 2002, 130]. Однако и здесь писатель привлекает известные ему сведения о структуре мифологических рассказов: «размыкание миров» и встреча с мифическим существом происходят в урочный, пограничный час, на восходе или на закате солнца. У В. И. Пулькина эта пограничность обозначена словом «рано», что соотносится с поэтике мифологических текстов, в которых «знаки восхода и заката солнца обычно закодированы в обытовленных выражениях и обозначены в эмпирических категориях времяисчисления» [Криничная 2011, 95].

Генерал выполняет фольклорную функцию *дарителя*: вручает Нестеру чудесный топор («немудрящий, плотницкий» [Пулькин 2002, 132]) для строительства храма, тем самым символически возвращая кижанам «долг» за спасение жизни.

Заключительные строки сказа посвящены осмыслению локальной истории в контексте истории мировой: «Этим топором, может, Соломонов храм рубили» [Там же]. Хронотоп местного предания обретает библейский масштаб; снова вводится в повествование драгоценная для писателя мысль о неразрывной связи прошлого с настоящим и будущим, о включенности локальных событий в цепочку развития общечеловеческой культуры. История строительства Преображенской церкви соотносится и с российской историей, разворачивается на фоне знаковых для России событий: «Первые венцы Спасо-Преображенского храма положили — взгремела Полтавская баталия. Осветили — одолели шведа в великом морском сражении при Гангуте. Аккурат тем летом, в 1714 году» [Там же].

Единственное условие, которое ставит генерал Нестеру, — вернуть топор, чтобы им могли пользоваться другие поколения: «Не мы первые и не мы последние на земле живем». Нестер выполняет условие, хоть и «жаль было метать добрый инструмент в Онего». Но «уговор дороже жемчуга» [Там же]. Так трансформируется предание о Нестере, метнувшем топор в воду, чтобы никто не смог больше повторить эту красоту. Писатель радикально меняет смысловую основу предания: тайна сокровенного топора не погребена навечно в водных глубинах, а хранится до следующего архитектурного замысла.

Как мы уже отметили, для творчества В. И. Пулькина характерна вариативность: он постоянно совершенствовал тексты и публиковал их в разных версиях. Это же касается и трех мини-частей: «Был Костя Клинов», «Кот и гад» и «Уговор — дороже жемчуга». Ранее они были напечатаны под общим названием «Змей — серебряная спинка» без разделения на части в краеведческом альманахе «Вытегра» [Криничная, Пулькин 1997, 207–210], жанр определен автором как «сказ». Указанная версия не включает сказ «Мижостровский водяник». В ранней версии имеются все основные мотивы трех частей, но есть некоторые отличия в стилистике; мореход, спасший змея, носит имя не Костя, а Гаврило; отсутствует образ Соломонова храма, но упоминаются и Полтавская битва, и сражение при

Гангута. Топор не простой, а серебряный, «как заговоренный» [Там же, 209].

Таким образом, литературная история сказа «Змей — серебряная спинка» из сборника «Царские персты» (2002) видится следующей. Летом 1971 г. В. И. Пулькин собирает фольклорные материалы, в числе которых — предание-быличка «Петр Первый и водяник». В 1978 г. этот текст печатается Н. А. Криничной в сборнике [Северные предания 1978, 133]. В 1988 г. Н. А. Криничная и В. И. Пулькин публикуют литературную обработку этого предания в сборнике сказов о Петре Первом «Медный вершник» (1988). В этой версии осуществляется контаминация этого сюжета с сюжетом «Усмирение Ладоги» [Там же, 144]. В 1997 г. в краеведческом альманахе «Вытегра» писатель на основе заонежской бывальщины о змееоборотне публикует сказ «Змей — серебряная спинка» [Криничная, Пулькин 1997, 207–210]. К началу 2000-х гг. он находит интересный сюжетный поворот: объединить образ водяника с образом змея; логичности новой контаминации способствовал образ Петра I, связавший повествование в единое целое. Сказ получает сквозной сюжет и наполняется христианскими реминисценциями. Сюжет «Усмирение Ладоги» из этой версии исчезает. Финальная версия сказа (соединение сюжетов «Петр Первый и водяник» и «Змей — серебряная спинка») публикуется в 2002 г. под одним названием: «Змей — серебряная спинка».

В. И. Пулькин смело смешивает разножанровые элементы в едином контексте. Сделать это ему позволяет, во-первых, чувство художественного вкуса; во-вторых, прекрасное знание народной культуры и обширный опыт собирательской работы; в-третьих, сама фольклорная традиция, в которой границы между жанрами достаточно условны: один и тот же текст может сочетать черты сказки и былички, былины и сказки, духовного стиха и заговора и т.д. Такие случаи хорошо известны фольклористам.

Расширяет хронотоп сказа активное использование писателем христианских мотивов, сочинений Отцов Церкви: весьма обширный пассаж, например, процитирован из «Беседы» Иоанна Златоуста. Сказочный мотив спасения животного, в народной традиции нейтрального по моральной окраске («Сказка не знает страдания» [Пропп 1986, 154]), в трактовке В. И. Пулькина предстает в свете христианской идеи милосердия к «Господнему творению». Так традиционные фольклорные мотивы и сюжеты наполняются под пером писателя христианским смыслом. Кульминация сказа — строительство и освящение Преображенской церкви на о. Кижы — также актуализирует христианское мировоззрение В. И. Пулькина, выражает его напряженные духовные поиски, знаменует обретение красоты в противоречивом потоке истории.

Источники и материалы

Геродот 1972 — *Геродот*. История: В 9 кн. / Пер. и прим. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко; Ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1972.

Гура 2002а — Гура А. В. Змея // Славянская мифология: Энцикл. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 187–189.

Гура 2002б — Гура А. В. Кошка // Славянская мифология: Энцикл. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 255–257.

Златоуст 2010 — *Иоанн Златоуст*. Толкование на Евангелие от Матфея: В 2 кн. Кн. 1. М.: Сибирская благовонница, 2010.

Иванов 1991 — *Иванов В. В.* Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 468–471.

Криничная 1991 — *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991.

Криничная, Пулькин 1988 — *Криничная Н. А., Пулькин В. И.* Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988.

Криничная, Пулькин 1997 — *Криничная Н. А., Пулькин В. И.* Вытегорье — корабельная сторона: Дневник собирателей фольклора (июль — август 1971 г.) // Вытегра: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1997. С. 206–250.

Левкиевская 2002 — *Левкиевская Е. Е.* Змей // Славянская мифология: Энцикл. словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 185–187.

Писатели 2006 — *Писатели Карелии: Библиограф. словарь / Сост. Ю. И. Дюжев.* Петрозаводск: Острова, 2006.

Пулькин 2002 — *Пулькин В. И.* Царские персты. Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Периодика, 2002.

Северные предания 1978 — *Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев.* Л.: Наука, 1978.

Снегирев 1861 — *Снегирев И. М.* Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М.: В Универ. типогр., 1861.

Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Кот // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992. С. 11.

Исследования

Алексеева 1983 — *Алексеева М. А.* Гравюра на дереве «Мыши kota на погост волокут» — памятник русского народного творчества конца XVII — начала XVIII в. // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте / Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1983. С. 45–79.

Белобородова 2000 — *Белобородова И. Н.* Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 96–102.

Богданов 2001 — *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001.

Власова 2004 — *Власова М. Н.* Сюжет о пророчестве // Русский фольклор. Т. XXXII / Отв. ред. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Наука, 2004. С. 223–228.

Дюжев 2005 — *Дюжев Ю. И.* На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Матер. Междунар. науч. конф. / Сост. О. П. Илюха. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2005. С. 206–211.

Иванова 2012 — *Иванова Л. И.* Персонажи карельской мифологической прозы: Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012.

Криничная 1987 — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987.

Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. Проект: Гаудеамус, 2004.

Криничная 2011 — *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011.

Криничная 2014 — *Криничная Н. А.* Мифология воды и водоёмов: Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Кар. науч. центр РАН, 2014.

Мороз 2009 — *Мороз А. Б.* Святые Русского Севера: Народная агиография. М.: ОГИ, 2009.

Петров 2011 — *Петров А. М.* Персонажи русских духовных стихов в свете народно-христианских представлений о золоте // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 27–38.

Плешкова 2010 — *Плешкова О. И.* Образ Петра I в романе Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 63–71.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986.

Рогощенков 2000 — *Рогощенков И. К.* В. И. Пулькин // История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Кар. науч. центра РАН, 2000. С. 245–254.

Шилова 2016 — *Шилова Н. Л.* Фольклорная фантастика в «Кижских рассказах» Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. Вып. 4: Поэтика фантастического. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. С. 247–261.

Шилова 2020 — *Шилова Н. Л.* Остров Киж и писатели-деревенщики: история несложившихся отношений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 52–59.

© А. М. Петров, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров А. М. <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН: Российская Федерация, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; тел.: +7(8142) 78-18-86; e-mail: hermitage2005@yandex.ru

On the Literary Adaptation of Folklore Narratives: Viktor Pul'kin's Tale "The Serpent with a Silver Back"

Alexander M. Petrov

(Institute of Linguistics, Literature and History, the Karelian Research Centre, RAS:
11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to the connections between folklore and literature as seen in the tale (skaz) "The Serpent with a Silver Back" by Viktor Pul'kin (1941–2008). It identifies the folkloric sources of the work in order to discover the ways, means and reasons for transforming folklore motifs and plots in literature. This is one of the first analyses of Pul'kin's work either in literary criticism or folklore studies. One feature of the author's artistic method is the variability of his prose, the existence of his works in different but equally valid versions. Therefore, the study involved editions of the story from different years, which together also formed the basis for its final rendering. The article reconstructs the literary history of the work and reveals that "The Serpent with a Silver Back" makes use of material from numerous genres of folklore, texts of which Pul'kin recorded in expeditions with the folklorist N. A. Krinichnaya. These include bylichkas and byvalshinas, stories on local history, legends, fairy tales, proverbs, rumors, and texts of folk hagiography. In the story, Pul'kin incorporates stereotypes of folk culture without any obvious limitation; he boldly mixes ("contaminates") plots and rethinks folklore images. He also uses historical and literary sources, information from ethnography, and motifs from patristics. At the same time, he strictly observes basic principles of folklore's reflection of reality and makes good use of his knowledge of the tradition. In the final version of the story, Christian motifs are amplified, which one may associate with the writer's worldview. The Christian tonality of the story emerges as the most important factor in overcoming the folklore tradition: folkloric images, motifs and plots are presented in the light of Christian moral categories — compassion, mercy, spiritual beauty. According to the writer, the past is inextricably linked with the present and the future; local history is connected with the history of Russia and of the world.

Key words: Viktor Pul'kin, connections between folklore and literature, regional literature, folklore, Christian motifs, Peter I.

Acknowledgements. The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre, RAS.

Received: June 21, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Petrov A. M. On the Literary Adaptation of Folklore Narratives: Viktor Pul'kin's Tale "The Serpent with a Silver Back." *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 47–59. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.004>

References

- Alekseyeva M. A. (1983) Gravyura na dereve "Myshi kota na pogost volokut" — pamyatnik russkogo narodnogo tvorchestva kontsa XVII — nachala XVIII v. [The Woodcut "The Mice Dragging the Cat to the Graveyard" — A Monument of Russian Folk Art from the Late Seventeenth — Early Eighteenth Centuries]. In: XVIII vek. Sb. 14. Russkaya literatura XVIII — nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste [The 18th Century. Col. 14. Russian Literature of the Eighteenth — Early Nineteenth Centuries in its Social and Cultural Context]. Ed. by A. M. Panchenko. Leningrad: Nauka. Pp. 45–79. In Russian.
- Beloborodova I. N. (2000) Etnonim "nemets" v Rossii: kul'turno-politologicheskii aspekt [The Ethnonym "German" in Russia: The Cultural and Political Aspect]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2000. No. 2. Pp. 96–102. In Russian.
- Bogdanov K. A. (2001) Povsednevnost' i mi-fologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj deistvitel'nosti [Everyday Life and Mythology: Studies in the Semiotics of Folklore Reality]. St. Petersburg: Iskustvo–SPb. In Russian.
- Vlasova M. N. (2004) Syuzhet o prorochestve [The Plot About Prophecy]. In: Russkii fol'klor. [Russian Folklore]. Vol. 32. Ed. by M. N. Vlasova, V. I. Zhekulina. St. Petersburg: Nauka. Pp. 223–228. In Russian.
- Dyuzhev Yu. I. (2005) Na grani literatury i fol'klora (o proze V. I. Pul'kina) [On the Border of Literature and Folklore (On the Prose of V. I. Pulkin)]. In: Mezhekul'turnye vzaimodeistviya v polietnichnom prostranstve pogranichnogo regiona: Mater. Mezhdunar. nauch. konf. [Proc.

of the International Scholarly Conference “Inter-cultural Interactions in the Multiethnic Space of the Border Region”. Ed. by O. P. Ilyukha. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN. Pp. 206–211. In Russian.

Ivanova L. I. (2012) Personazhi karelskoi mifologicheskoi prozy. Issledovaniya i teksty bylichek, byval'shchin, poverii i verovanii karelov. [Characters of Karelian Mythological Prose: Studies and Texts of Karelian Bylichki, Byvalschiniy, Popular Values and Beliefs]. Moscow: Rus. fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. In Russian and Karelian.

Krinichnaya N. A. (1987) Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury [Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2004) Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora [Russian Mythology: The World of Folklore Images]. Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2011) Krest'yanin i prirod-naya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'shchiniy i pover'ya Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii. [The Peasant and the Natural Environment in the Light of Mythology. Bylichkas, Byvalshinas and Beliefs of the Russian North: Research. Texts. Commentary]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2014) Mifologiya vody i vodoemov: Bylichki, byval'shchiniy, pover'ya, kosmogonicheskie i etiologicheskie rasskazy Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii [Mythology of Water and Reservoirs. Bylichkas, Byvalshinas, Popular Beliefs, Cosmogonic and Etiological Stories of the Russian North: Research. Texts. Comments]. Petrozavodsk: Kar. nauch. tsentr RAN. In Russian.

Moroz A. B. (2009) Svyatye Russkogo Severa: Narodnaya agiografiya [Saints of the Russian North: Folk Hagiography]. Moscow: OGI. In Russian.

Petrov A. M. (2011) Personazhi russkikh dukhovnykh stikhov v svete narodno-khristianskikh

predstavlenii o zolote [Characters of Russian Spiritual Verses in Light of Christian Folk Ideas About Gold]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2011. Vol. 12. No. 3. Pp. 27–38. In Russian.

Pleshkova O. I. (2010) Obraz Petra I v romane D. S. Merezhkovskogo “Antikhrist (Petr i Aleksei)” [The Image of Peter I in D. S. Merezhkovsky's novel “Antichrist (Peter and Alexei)”]. *Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii* [Bulletin of Altai State Pedagogical Academy]. 2010. No 4. Barnaul: OOO “Kolibri”. Pp. 63–71. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1975) Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow: Nauka. In Russian and German.

Propp V. Ya. (1986) Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The Historical Roots of the Magical Fairy Tale]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. In Russian.

Rogoshchenkov I. K. (2000) V. I. Pul'kin [V. I. Pul'kin]. In: *Istoriya literatury Karelii: V 3kh tt.* [History of Literature of Karelia: in 3 Vols.]. Vol. 3. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karelskogo nauchnogo centra RAN. Pp. 245–254. In Russian.

Shilova N. L. (2016) Fol'klornaya fantastika v “Kizhskikh rasskazakh” Viktora Pul'kina [Folk Science Fiction in the “Kizhi Stories” by Viktor Pulkin]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki. Vyp. 4: Poetika fantasticheskogo* [The Problems of Historical Poetics. Iss. 4. Poetics of Fantasy]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. Pp. 247–261. In Russian.

Shilova N. L. (2020) Ostrov Kizhi i pisateli-derevenshchiki: istoriya neslozhivshikhnya ot-noshenii [Kizhi Island and the Derevenshchiki: a History of Failed Relationships]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2020. Vol. 42. No. 5. Pp. 52–59. In Russian.

© A. M. Petrov, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Petrov <https://orcid.org/0000-0002-5095-4254>

E-mail: hermitage2005@yandex.ru

Tel.: +7 (8142) 78-18-86

11, Pushkinskaya str., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, the Karelian Research Centre, RAS.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)